

ФИЛОСОФСКИЕ ИСТОКИ МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО

Вера Анатольевна Серкова (henrypooshel@rambler.ru)

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Серкова В.А. (2019) Философские истоки методологии истории А.С. Лаппо-Данилевского. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 22(5): 213–222. <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.5.13>

Аннотация. А.С. Лаппо-Данилевский проявлял интерес к современным ему философским учениям, в частности к позитивизму, баденской школе неокантианства, феноменологии. Среди историков, философов, социологов ведутся давние споры о степени такого влияния, насколько оно было плодотворно для него как для историка. На основе сравнительного анализа проводится исследование конкретных идей, оказавшихся пригодными для формирования корпуса методологии истории Лаппо-Данилевского. Если ранняя позитивистская методология (социология и философия истории О. Конта) подвергалась критике Лаппо-Данилевского, то неокантианская идея отношения номологических и идиографических методов легла в основу его методологии истории, тем не менее она также подверглась испытанию «практикующего методолога истории». Его феноменологическая ориентация может быть охарактеризована как «стихийное» движение в сторону феноменологии без осуществления главного принципа, заложенного в нее Э. Гуссерлем, — принципа феноменологических редукций.

Ключевые слова: А.С. Лаппо-Данилевский, методология истории, позитивизм, неокантианство, феноменология, исторический факт.

Долгое время ведутся дискуссии о философском влиянии на историческую концепцию Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского.

Лаппо-Данилевский проявлял глубокий интерес к современным ему философским течениям, находя в них инструмент к исследованиям конкретных вопросов исторической науки. Методология для историка Лаппо-Данилевского существует и как навык узко профессионального анализа исторического материала, и как основа аналитики в широкой области гуманитарного знания, которую он обозначил как «обществоведение», перевода на русский язык лагино-греческий термин «социология», в научный оборот введенный Огюстом Контом. В первом случае методология строится как источниковедение, сравнительная история, как исторические построения. Во втором — как философия истории, проблемное поле исследований человечества как «коллективной личности». «Базовые концеп-

туально содержательные элементы», «сквозные» темы и эпистемологических принципы академической философии истории ее исследователь А.В. Малинов определяет как ответы на следующие вопросы: что представляет собой философия истории как научный опыт? Каковы методы познания, способы верификации знания и принципы формирования терминологического аппарата в исторической науке? Какова логика понимания предмета, обоснования процедур контроля над результатами исследования и над способами интерпретации фактов и событий? Каков онтологический статус философии истории (что такое историческая реальность и каковы способы ее презентации в исторической теории)? Каковы методологические оснований организации знания, касающихся строгости, последовательности, точности исследования и проверки исторических теорий? (Малинов 2006: 4–5).

Определению философских истоков трудов Лаппо-Данилевского посвящены многочисленные работы российских историков, философов, социологов. Особый интерес для нас представляют исследования его методологии истории, поскольку именно в этих работах Лаппо-Данилевский представлен как ученый, выходящий за границы специализированного знания, как метатеоретик, развивающий общий подход к пониманию специфики гуманитарных наук в целом. Исследователи теоретического наследия Лаппо-Данилевского в общем согласны в том, что значительное влияние на его методологию оказала позитивистская и неокантианская традиции. Большой интерес представляет аргументация в пользу феноменологических оснований его методологии.

Позитивистское влияние на Лаппо-Данилевского сказывается в естественном для историка интересе к понятию «факт». Фактология излагается в третьем отделе первого тома его «Методологии истории», в первой и второй главах, которые посвящены прояснению «Общего характера явлений, изучаемых историком» и «Специфическому характеру собственно исторических фактов» (Лаппо-Данилевский 2010а: 329–359). Кроме того, пониманию природы исторического факта посвящена первая глава второй части второго тома «Методологии истории». Интерпретация этого основополагающего для истории как науки понятия свидетельствует о полном несовпадении смыслов, которые ему приписывают Лаппо-Данилевский и позитивисты. Вот что по этому поводу пишет Лаппо-Данилевский: «С теоретико-познавательной точки зрения нам приходится вообще говорить о своих представлениях о вещах, а не о вещах-в-себе» (Лаппо-Данилевский 2010б: 416). Весь пафос позитивистского стремления построить позитивную науку заключался в освобождении фактов от их субъективистской нагруженности «представлениями» и интерпретациями.

Лаппо-Данилевский просто в силу предметной специфики работы с «исторической очевидностью» не может разделить представлений о факте как «готовом» и независимом от исследователя продукте.

Свои скептические аргументы по поводу оснований позитивистской методологии науки он высказал в программной статье «Основные принципы социологической доктрины О. Конта» в сборнике «Проблемы идеализма». Позитивистские основания методологии науки оказываются в центре внимания многих ученых, вовлеченных в область философии истории на том основании, что в них провозглашается следование новому образцу знания — обоснованного, верифицируемого, конкретного и реалистичного. И реалистичность эта выражалась, кроме всего прочего, в признании неизбежной относительности человеческого познания.

В своей статье Лаппо-Данилевский исследует истоки позитивистской методологии Конта и реконструирует их, сравнивая ее с учениями французских предшественников — Даламбера, Кондорсе и Сен-Симона. Он пишет о том, что положение об относительности познания было «общим местом» в гносеологии того времени (Лаппо-Данилевский 1902: 403). Принцип относительности соединяется с отрицанием принципа каузальности (влияние Юма) и целесообразности (а значит и законосообразности исторического процесса) (Лаппо-Данилевский 1902: 410). С точки зрения позитивизма проблемой становится и «достоверность научных предсказаний». Лаппо-Данилевский отмечает наивный реализм философии Конта как итог его собственного «позитивного знания». Ко всему прочему присоединяются «грубый реализм, произвольная и колеблющаяся терминология», «догматические положения» (Лаппо-Данилевский 1902: 409). «Гносеологическая шаткость построений Конта» (Лаппо-Данилевский 1902: 410) отражается на его социологической теории, в которой, как полагает Лаппо-Данилевский, Конт «едва ли действительно открыл хотя бы один из них (законов социологии. — В.С.)» (Лаппо-Данилевский 1902: 487). Социология Конта держится на принципах относительности, коллективной психологии и социальной этики — «вот и вся основа социальных законов и политики», — восклицает Лаппо-Данилевский, подводя итог «социальной физики» Конта (Лаппо-Данилевский 1902: 436). При этом сам же Конт опровергает и свой проект философии истории как закон трех стадий, поскольку ему скорее удалось «превратить науку в философию, а не философию в науку» (Лаппо-Данилевский 1902: 410). Подводя счет методологическим претензиям и промахам О. Конта, Лаппо-Данилевский подчеркивает, что он «не в состоянии соблюсти своих “позитивных” требований и постоянно прибегал к допущениям, не имеющим ничего общего с “позитивизмом”» (Лаппо-Данилевский 1902: 489).

Как видим, критика позитивизма, начатая Владимиром Соловьевым в магистерской диссертации, серьезно подкреплена Лаппо-Данилевским в те времена, когда позитивизм в России уже перестал быть «общим местом» научной методологии. Критике позитивизма тем не менее посвящены многие статьи сборника «Проблемы идеализма». С.Н. Трубецкой отмечает, что границы самого «положительного знания доселе остаются спорными» (Трубецкой 1902: 218). А П.И. Новгородцев заявляет, что программу позитивистов «даже не считают нужным критиковать, а просто не следуют ей» (Новгородцев 1902: 278). Тем не менее очевидно, что Лаппо-Данилевский, перечисляя слабые стороны ранней позитивистской методологии, видит и определенный «запас прочности», заложенный в позитивистских принципах организации знания. Он ориентируется на векторы развития позитивизма в целом, предугадывая главные темы третьего и четвертого позитивизма (принцип верификации, достоверности, определение стратегий развития знания) (Лаппо-Данилевский 1902: 408–409).

Неокантианская закуска работ Лаппо-Данилевского признается практическими всеми исследователями. Е.А. Ростовцев в статье «Наследие А.С. Лаппо-Данилевского в отечественной науке» перечислил имена всех, кто искал в его методологии неокантианские корни. Он называет имена Ф.Г. Ищенко, П.Н. Полевого, П.Н. Милюкова, С.Ф. Платонова, Н.И. Кареева, А.И. Кизеветтера, Т.И. Райнова, Н.Д. Кондратьева, для которых было очевидно влияние Г. Риккерта и В. Виндельбанда на методологию истории Лаппо-Данилевского (Ростовцев 2003: 123). К ним можно присоединить имена современных исследователей — А.В. Малинова, С.Н. Погодина, Т.И. Калистратовой, А.А. Курносова, Л.Н. Барышниковой, И.Л. Беленького, Л.Н. Хмылева, Н.М. Дорошенко, К.В. Хвостовой, С.П. Рамазанова, Н.А. Трапша и др. О.В. Сеницын, опираясь на статью крупнейшего российского историка и методолога истории Н.И. Кареева, написанную в память Лаппо-Данилевского, воспроизводит аргументы Кареева «в пользу признания неокантианской принадлежности Лаппо-Данилевского» (Сеницын 2003: 143–147). Однако исследователь отмечает, что еще недостаточно понятийного совпадения в методологии Лаппо-Данилевского и представителей баденской школы неокантианства, в частности противопоставления идеализирующего и индивидуализирующего методов. Лаппо-Данилевский создает свою весьма оригинальную и продуктивную методологию исторического знания, нацеленную на описание его источников и противопоставленную номологическим наукам — социологии, психологии, философии — как наукам, которые анализируют и конструируют свой предмет вне временной определенности. Заметим при этом, что

вневременные системы знания вообще трудно себе представить, другое дело, что не для всякой теории временные изменения являются предметом аналитики. Лаппо-Данилевский занимает компромиссную позицию в использовании и противопоставлении двух методов. Идеографический метод наиболее соответствует историческому исследованию, а номотетический используется как вспомогательный и, вообще говоря, применяется в том случае, когда субъектом истории становится человечество как «великая индивидуальность», относительно существования которого, по выражению Н.И. Кареева, «открываются общие законы» (Кареев 1897: 135).

Следствием признания неокантианской методологической установки является непризнание истории наукой, поскольку в идеографических системах знания невозможно выводить законы. Собственно, основой предпринятых историками вояжей в область философии истории как раз и являются, на наш взгляд, попытки опровергнуть эту неокантианскую систему аргументов в пользу подтверждения научного статуса истории. Но, так или иначе, общий план исследования истории, изложенный в первом томе «Методологии истории», соответствует принципам аналитики, принятым в баденской школе неокантианцев.

Принадлежность неокантианской методологии тем не менее оспаривается некоторыми исследователями (например, О.М. Медушевской) на основании того, что «главная идея концепции Лаппо-Данилевского <...> состояла <...> не в противопоставлении методов, но в синтезе, в применении обоих подходов к явлениям и природы, и общества» (Медушевская 2003: 239). Действительно, Лаппо-Данилевский полагает, что идеографическая точка зрения естественна для историка и имеет самодедулирующее значение, поскольку он занимается изучением конкретных единичных событий, а номотетическая является вспомогательным способом ввести определенные обобщения. Впрочем, и Вильгельм Виндельбанд признавал, что противоположность между номотетическими и идеографическими науками зависит от «последних целей научной деятельности» (Виндельбандт 2007: 345). Как видим, Лаппо-Данилевский занимает компромиссную позицию в споре с представителями баденской школы. Пресняков, характеризуя процесс становления методологии Лаппо-Данилевского, отмечал, что позитивизм сыграл положительную роль в формировании «своеобразия его философского умоначертания», но позднее Лаппо-Данилевский выходит «на иные пути философского искания. Но в годы созревания его мысли школа позитивизма оформила и укрепила его тягу к научной обоснованности теоретических воззрений и к выяснению их неустранимой связи с восприятием и изучением конкретной действительности» (Пресняков 1922: 12).

Но как ни противоречива атрибуция методологического корпуса работ Лаппо-Данилевского как позитивиста или неокантианца, еще более сложным делом является причисление его к лагерю феноменологов. Самую серьезную реконструкцию идей, заложенных в его «исторической феноменологии», провел А.В. Малинов в последней части второго тома «Очерков по философии истории в России», которая как раз и посвящена «Методологии истории» Лаппо-Данилевского (Малинов 2013: 392–438). А.В. Малинов подробно реконструирует последовательность методологических шагов этого сложного и насыщенного идеями двухтомного сочинения. Он специально не соотносит идеи русского ученого с идеями родоначальника феноменологии Эдмунда Гуссерля. И на то есть причина. Гуссерль упоминается в «Методологии истории» всего один раз в сноске, посвященной характеристике взглядов В. Дильтея, по мнению Лаппо-Данилевского, «находящегося под влиянием Гуссерля» (Лаппо-Данилевский 2010а: 409). Больше Лаппо-Данилевский на Гуссерля не ссылается и имени его не упоминает. Тем не менее принцип построения исторической критики, определение базового для историка понятия «исторический факт» («Факт — это наше построение <...> из комбинирующихся функций нашего сознания» (Лаппо-Данилевский 2010б: 430), дает основания для причисления Лаппо-Данилевского к, если можно так сказать, «стихийным феноменологам».

М.Ф. Румянцева и О.М. Медушевская с еще большей определенностью причисляют Лаппо-Данилевского к представителям феноменологической философии. Так, М.Ф. Румянцева характеризует социальную теорию Лаппо-Данилевского «скорее как феноменологическую» (Румянцева 2010: 6). О.М. Медушевская еще более настойчиво подчеркивает феноменологические основания методологии Лаппо-Данилевского: «В завершенном виде эта концепция обнаруживает определенные совпадения с идеями раннего Э. Гуссерля и в то же время выступает как завершенная феноменологическая концепция философии истории как строгой науки» (Медушевская 2010: 43). И Румянцева, и Медушевская опираются не только на раннюю работу Гуссерля — статью «Философия как строгая наука», напечатанную в первом номере «Логоса» и выступающую лишь развернутым, но весьма смутным проектом будущей феноменологии, — но и на первую часть «Идей к чистой феноменологии», которая уже по сути совершенно определенно является феноменологическим учением. В «Философии как строгой науке» Гуссерль выразил мнение, что философия как форма коллективного знания, а не как оригинальная и уникальная авторская система взглядов, как «позитивная», если угодно, и «как строгая наука» еще не начала формироваться. Для этого нужны ясные, необходи-

мые и «непротивосмысленные» принципы. В «Идеях к чистой феноменологии» эти принципы были четко и последовательно изложены. Они определялись как принципы феноменологических редукций, суть которых заключается в строгом и непротиворечивом истолковании понятия «реальность», «действительность», «внешний мир» или «трансцендентная природа»: «Мы не позволяем себе суждений, которые пользовались бы полаганием “действительной” вещи, равно как и всей трансцендентной природы» (Гуссерль 1999: 202). «Идеи...» на этом основании следует рассматривать как философские пролегомены. Их целью является введение в любую конкретную науку как в последовательное и внутренне непротиворечивое знание. Это и определяет характер рациональности, которую закладывал Э. Гуссерль в своем феноменологическом учении. Смысл феноменологических редукций состоит в том, что «действительное», «реальное», «фактическое» «противосмысленно» рассматривать на полюсе, противоположном сознанию. «Реальное» конструируется («конституируется», как говорил Гуссерль) сознанием, это система определенных смыслов, вложенных в понятие реальности, и потому она не находится «по ту сторону» сознания, и мы не можем сравнивать «реальность» и «мыслимую реальность», потому что первая является уже «мыслимым предметом». Можно сравнивать только разные способы мышления, разные содержания одного и того же предмета, но не «реальное» и «мыслимое». Конечно, в этом смысле Лаппо-Данилевский не будет последовательным феноменологом, как и показывает в своей реконструкции его методологии истории А.В. Малинов: «Учение о методах исторического изучения отсылает, с одной стороны, к факту, а с другой, — к объяснению, т.е. к двум аспектам самой действительности: действительности реально существующего (или существовавшего) и к действительности теории» (Малинов 2013: 404). В строгом смысле слова к феноменологам можно отнести только тех, кто строго, последовательно, непрерывно и бескомпромиссно осуществляет принцип феноменологической редукции. Разумеется, Лаппо-Данилевский не ставил перед собой цели быть строгим адептом феноменологического учения, однако признание конститутивной природы сознания, утверждающей существование любого предмета (опять обратимся к определению Лаппо-Данилевского: факт «есть уже наше построение» /Лаппо-Данилевский 2010б: 430/) позволяет говорить о феноменологическом складе его теоретических построений.

Таким образом, мы видим, что причисление Лаппо-Данилевского к лагерю позитивистов и неокантианцев, как и признание его феноменологом требует серьезных оговорок и прояснений. Мы имеем дело с методологией ученого, которая не заимствована в окончательном и догматическом своем

виде, но проявляется как живой и активный эксперимент, удостоверяющийся в своей пригодности быть проекцией на конкретную и напряженную деятельность историка. Так получается, что эти первоначально мало совместимыми методологические принципы и установки находятся в непрерывном испытании «делом». И в этом, наверное, состоит практическая ценность методологической работы нашего великого отечественного историка.

Литература

Малинов А.В. (2006) *Академическая философия истории в России (вторая половина XIX — начало XX века)*: автореф. дис. ... д-ра филос. н. СПб.

Малинов А.В. (2013) *Очерки по философии истории в России в 2 т.* Т. 2. СПб.: Интерсоцис.

Медушевская О.М. (2003) Концептуальное единство философии и эмпирической науки. *Историческая наука и методология истории в России XX века. К 140-летию со дня рождения Лаппо-Данилевского. Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории.* Вып. 1. Отв. ред. А.В. Малинов. СПб.: Северная звезда: 236–246.

Медушевская О.М. (2010) Методология истории как строгой науки. Лаппо-Данилевский А.С. *Методология истории: в 2 т.* Т. 1. М.: РОССПЭН: 23–84.

Пресняков А.Е. (1922) *Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский.* Петербург: Колос.

Ростовцев Е.А. (2003) Наследие А.С. Лаппо-Данилевского в отечественной исторической науке. *Историческая наука и методология истории в России XX века. К 140-летию со дня рождения Лаппо-Данилевского. Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории.* Вып. 1. Отв. ред. А.В. Малинов. СПб.: Северная звезда: 99–142.

Румянцева М.Ф. (2010) Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Лаппо-Данилевский А.С. *Методология истории: в 2- т.* Т. 1. М.: РОССПЭН: 5–22.

Синицын О.В. (2003) Историк среди историков: теоретико-методологические труды А.С. Лаппо-Данилевского. *Историческая наука и методология истории в России XX века. К 140-летию со дня рождения академика А.С. Лаппо-Данилевского. Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории.* Вып. I. Отв. ред. А.В. Малинов. СПб.: Северная звезда: 143–147.

Источники

Виндельбанд В. (2007) История и естествознание. Виндельбанд В. *Преюдии.* М.: Кучково поле: 333–352.

Гуссерль Э. (1999) *Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии.* Т. 1. Пер. с нем. А.В. Михайлова; вступ. ст. В. Куренного. М.: Дом интеллектуальной книги.

Кареев Н.И. (1897) Введение в изучение социологии. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича.

Лаппо-Данилевский А.С. (2010а) *Методология истории: в 2 т.* Т. 1. М.: РОССПЭН.

Лаппо-Данилевский А.С. (2010б) *Методология истории: в 2 т.* Т. 2. М.: РОССПЭН.

Лаппо-Данилевский А.С. (1902) Основные принципы социологической доктрины О. Конта. *Проблемы идеализма: сб. ст.* Под ред. П.И. Новгородцева. М.: Изд-во Моск. психолог. общ-ва: 393–490.

Новгородцев П. (1902) Нравственный идеализм в философии права. *Проблемы идеализма: сб. ст.* Под ред. П.И. Новгородцева. М.: Изд-во Моск. психолог. общ-ва: 236–296.

Трубецкой С. (1902) Чему учит история философии. *Проблемы идеализма: сб. ст.* Под ред. П.И. Новгородцева. М.: Изд-во Моск. психолог. общ-ва: 216–235.

PHILOSOPHICAL ORIGINS OF A.S. LAPPO-DANILEVSKY'S METHODOLOGY OF HISTORY

Vera A. Serkova (henrypooshel@rambler.ru)

Saint Petersburg Polytechnic University, Russia, Saint Petersburg

Citation: Serkova V.A. Filosofskiye istoki metodologii istorii A.S. Lappo-Danilevskogo [Philosophical origins of A.S. Lappo-Danilevsky's methodology of history]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 22(5): 213–222. <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.5.13> (in Russian).

Abstract. A.S. Lappo-Danilevsky showed interest in contemporary philosophical teachings, in particular, positivism, the Baden school of neo-Kantianism, and phenomenology. Among historians, philosophers, sociologists, there has been a long debate about the degree of such influence, how fruitful it was for him as a historian. Based on a comparative analysis, a study is carried out of specific ideas that turned out to be suitable for forming the corpus of its historical methodology. If the early positivist methodology (sociology and philosophy of the history of A. Comte) was criticized by Lappo-Danilevsky himself, then the neo-Kantian idea of the relationship of nomological and idiographic methods formed the basis of his methodology of history and, nevertheless, it also underwent the test of a “practicing methodologist of history”. His phenomenological orientation can be characterized as a “spontaneous” movement towards phenomenology without the implementation of the main principle embedded in it by E. Husserl, the principle of phenomenological reductions.

Keywords: A.S. Lappo-Danilevsky, methodology of history, positivism, neo-Kantianism, phenomenology, historical fact.

References

- Malinov A.V. (2006) *Akademicheskaya filosofiya istorii v Rossii (vtoraya polovina XIX — nachalo XX veka)* [Academic philosophy of history in Russia (second half of XIX — early XX century)]. Avtoref. dis. ... dokt. filos. nauk. St. Petersburg (in Russian).
- Malinov A.V. (2013) *Ocherki po filosofii istorii v Rossii v 2 t.* [Essays on the philosophy of history in Russia in 2 vol.]. St. Petersburg: Intersocis (in Russian).
- Medushevskaya O.M. (2003) *Konceptual'noe edinstvo filosofii i empiricheskoy nauki* [The conceptual unity of philosophy and empirical science]. In: *Istoricheskaya nauka i metodologiya istorii v Rossii XX veka. K 140-letiyu so dnya rozhdeniya Lappo-Danilevskogo* [Historical science and the methodology of history in Russia of the twentieth century: the 140th anniversary of the birth of Lappo-Danilevsky]. Sankt-Peterburgskie chteniya po teorii, metodologii i filosofii istorii. Vyp. 1. Ed. by A.V. Malinov. St. Petersburg: Severnaya zvezda: 236–246 (in Russian).
- Medushevskaya O.M. (2010) *Metodologiya istorii kak strogoj nauki* [The methodology of history as a rigorous science]. In: Lappo-Danilevskij A.S. *Metodologiya istorii: v 2 t.* [Methodology of History: in 2 vols.]. Vol. 1. Moscow: ROSSPEN: 23–84 (in Russian).
- Presnyakov A.E. (1922) *Aleksandr Sergeevich Lappo-Danilevsky* [Alexander Sergeevich Lappo-Danilevsky]. Petersburg: Kolos (in Russian).
- Rostovtsev E.A. (2003) *Nasledie A.S. Lappo-Danilevskogo v otechestvennoj istoricheskoy nauke* [Inheritance A.S. Lappo-Danilevsky in Russian historical science]. In: *Istoricheskaya nauka i metodologiya istorii v Rossii XX veka. K 140-letiyu so dnya rozhdeniya Lappo-Danilevskogo* [Historical science and the methodology of history in Russia of the twentieth century. The 140th anniversary of the birth of Lappo-Danilevsky]. Sankt-Peterburgskie chteniya po teorii, metodologii i filosofii istorii. Vyp. 1. Ed. by A.V. Malinov. St. Petersburg: Severnaya zvezda: 99–142 (in Russian).
- Rumyantseva M.F. (2010) *Aleksandr Sergeevich Lappo-Danilevskij* [Alexander Sergeevich Lappo-Danilevsky]. Lappo-Danilevskij A.S. *Metodologiya istorii: v 2 t.* [Methodology of History: in 2 vols.] Vol. 1. Moscow: ROSSPEN: 5–22 (in Russian).
- Sinityn O.V. (2003) *Istoriik sredi istorikov: teoretiko-metodologicheskie trudy` A.S. Lappo-Danilevskogo* [Historian among historians: theoretical and methodological works of A.S. Lappo-Danilevsky]. In: *Istoricheskaya nauka i metodologiya istorii v Rossii XX veka: k 140-letiyu so dnya rozhdeniya akademika A.S. Lappo-Danilevskogo* [Historical science and the methodology of history in Russia of the twentieth century: the 140th anniversary of the birth of Lappo-Danilevsky]. Sankt-Peterburgskie chteniya po teorii, metodologii i filosofii istorii. Vyp. I. Ed. by A.V. Malinov. St. Petersburg: Severnaya zvezda: 143–147 (in Russian).